

31. Jakob, K. Maschine, mentales Modell, Metapher. Studien zur Semantik und Geschichte der Techniksprache. – Tübingen: Narr, 1991. – 305 S.
32. Kübler, H.-D. Telematisierung sprachlicher Wandel und Technisierung des Wissens // Weingarten, R., Fiehler, R. (Hrsg.) Technisierte Kommunikation. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1988. – 202 S.
33. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors we live by. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
34. Raatz, K. Welche (künstlichen) Intelligenzen braucht der Mensch? Notizen aus gesellschaftlicher, psychologischer und technischer Sicht // Gottwald, E., Hibbeln, R., Lauffer, J. (Hg.) Alte Gesellschaft – Neue Medien. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1989. – S.45–53.
35. Spoerl, A. Ein unbegabter Ehemann. Roman in 21 Bildern. – Fr.a.M.; Berlin; Wien, 1995. – 225 S.
36. Sprachnudel. Wörterbuch der Jetztsprache. – 2005–2007
<http://www.sprachnudel.de/> (01.10.2010)
37. Weingarten, R. Die Konstruktion von Sprache im technischen Medium. Habilitationsschrift. – Bielefeld: Fakultät für Linguistik und Literaturwissenschaft der Universität Bielefeld, 1991. – 313 S.
38. Wichter, S. Zur Computerwortschatz-Ausbreitung in die Gemeinsprache: Elemente der vertikalen Sprachgeschichte einer Sache. – Fr.a.M.; Bern; New York; Paris: Lang, 1991. – 152 S.

УДК 81'42

В.А. Садикова

СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ МОДЕЛЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели)

Выдвигается гипотеза о том, что обстоятельства места, времени и цели представляют собой единую структурно-смысловую модель и одну из основных («вершинных») языковых категорий.

Ключевые слова: пространство, место, время, цель, обстоятельства.

Пространство и время – сложнейшие философские категории, которые в бытовом языке и повседневном общении людей представляются ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ, координирующими это общение. Сознательную – и личную, и социальную – жизнь человека невозможно представить себе и без третьей обстоятельственной координаты – цели. В данной статье мы предпринимаем попытку рассмотреть эти обстоятельства в единстве и взаимодействии как определяющие речевое поведение людей.

Для нас в повседневной жизни и повседневной речевой деятельности более актуально конкретное *место*, чем абстрактное *пространство*, но даже в философии *пространство* связывается с человеческим переживанием: «ПРОСТРАНСТВО – то, что является общим всем переживаниям, возникающим благодаря органам чувств» [13: 369], а переживание – «опыт, ко-

торый воспринимается как обогащение собственной личности», «процесс присвоения, совершающийся при встрече с миром», – «равнозначно содержанию сознания» [Op. cit.: 337], которое, в свою очередь, есть «совокупность чувственных и умственных образов» [Op. cit.: 423].

Начиная с XVII века, внимание ученых переместилось с «пустого пространства» геометрии на «физическое пространство» и его восприимчивость. И. Кант рассматривал его «как форму всех явлений внешних органов чувств, т.е. как формальное свойство всякого восприятия внешнего мира, благодаря чему только и возможны наши внешние наглядные представления» [Op. cit.: 369]. По И. Канту, пространство и априорно, и трансцендентально по отношению к человеческому опыту. Современная психология признает, что пространство не дано нам как таковое, мы воспринимаем его только потому, что оно постоянно наполнено «вещами» и их многообразными отношениями; сами отношения могут рассматриваться как пространство и само «существование является пространственным» (Хайдеггер) [Ibid].

Существование «вещей» в пространстве настолько определяюще, что «интеллигибельная» пространственность поселилась и в нашем сознании: «общие *места* в риторике есть отражение этого процесса. “Кроме возможности быть заполненным, пространство не имеет никаких других свойств” (Metzger. Psychologie, 1941)» [13: 370]. «Никаких других свойств» не имеют, по большому счету, и «общие места», понимаемые как структурно-смысловые модели высказывания, или как «вершинные» языковые категории.

Топы ОБСТОЯТЕЛЬСТВА места и времени актуальны для общающихся не только сами по себе, но и как качественные характеристики предмета, события, ситуации. Например: *долгая жара привела к засухе; повсеместно погиб урожай пшеницы*. В этих примерах слиты воедино количество и качество (в первом примере – количество и качество времени, во втором – количество и качество места), причем последнее, качество, более значимо; точнее, более значима *качественность количества*, потому что она имплицитно выступает ПРИЧИНОЙ определенных СЛЕДСТВИЙ. Наглядный пример реализации одного из основных законов диалектики – переход количества в качество

«ВРЕМЯ – форма возникновения, становления, течения, разрушения в мире, а также его самого вместе со всем тем, что к нему относится. Объективное время <...> нужно отличать от субъективного, которое основано на осознании времени. Последнее зависит от содержания переживаний и является гл. о. возможностью что-то делать, переживать и т.п.» [13: 78.]. В реальной повседневной жизни мы всегда соотносим время со своими и чужими действиями, планами, возможностями, с событиями и ситуациями. Наше время всегда наполнено, поэтому только и ощущается нами. Мы переживаем бедное событиями время как длящееся настоящее, как застой в нашей жизни, а наполненное событиями время – как активный переход в

будущее, как движение вперед. Таким образом, каждый человек может убедиться в справедливости термина «субъективное время», принятого в философии [13: 77] и лингвистике [8: 80], которое связывается с осознанием времени и его переживанием человеком.

Каждодневно существуя во времени, мы в нем обязаны постоянно ориентироваться, чтобы согласовывать свои действия с действиями других людей и с разного рода событиями и ситуациями. «Еще рано», «пора на работу», «встретимся в пять часов» «приходи в четверг», «я опаздываю», «завтра праздник», «как бы не было поздно» и т.д. и т.п. Уже из приведенных примеров понятно, что выражение тех или иных моментов в нашем текущем времени, их выделение связано с ситуацией. И тогда правомерно, видимо, будет выделить еще один вид времени – «актуальное время», которое в реальной речевой практике реализуется структурно-смысловой моделью (топом) ОБСТОЯТЕЛЬСТВО времени. Будущее, настоящее, прошедшее время – это абстракции от естественного понятия текущего времени как актуального «здесь и сейчас». Августин и Лейбниц рассматривали время как безусловную предпосылку существования человека и способ его существования. И. Кант полагал, что время является формальным априорным условием всех явлений вообще. Подробный анализ философских толкований времени с позиций лингвистики см.: [16]. Вслед за В.Г. Гаком, который оперирует понятием семантического поля времени, С.А. Чугунова выделяет внешнюю и внутреннюю структуру этого поля при функционировании в речи. Внутренняя структура поля описывает время процесса, которое, в свою очередь, может быть внешним («его репрезентанты отвечают на вопрос «когда?» (*вчера, в прошлом году*) и внутренним («его репрезентанты отвечают на вопрос «как?» (*полным ходом, вдруг*)» [16: 107–108].

Если рассматривать время как ОБСТОЯТЕЛЬСТВО времени в системе других «вершинных» языковых категорий, то становится очевидным, что значение времени в конструкциях, отвечающих на вопрос «как?», действует уже другая «вершинная» языковая категория – топ КАЧЕСТВО (на что уже указывает сам вопрос), а время здесь вторично, только способ выражения качества. Хотя собственно время функционирует и в выражениях типа *время жить, время любить, время возвращать*, которые относятся С.А. Чугуновой к «внешней структуре поля времени» [16: 108]. Даже в таком минимальном контексте мы имеем дело, на наш взгляд, уже не с ОБСТОЯТЕЛЬСТВОМ времени, а также с его качественной характеристикой, топом КАЧЕСТВО. В более просторном контексте часто актуализируется уже и во все далекий от времени топ, например, *время собирать камни и время разбрасывать камни*. Здесь актуально ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ. Существует и ОБЩЕЕ, которое может быть выражено устойчивым выражением *всему свое время*.

В указанных выше работах ученые подчеркивают связь семантического поля времени с другими семантическими полями, причем направление может быть как от времени к другим семантическим полям, так и от других

семантических полей к полю времени. В.Г. Гак, например, указывает на распространенные способы определения времени «через элементы бытия»: движение («русское слово *время* восходит к корню со значением ‘вращать’), пространство («приду где-то около восьми»), занятие («за обедом»), человек («При Петре I») [2: 124–125]. Еще более распространены ситуации, когда не время через бытие, а «элементы бытия определяются через время» [Op. cit.: 125–130], причем к элементам бытия относятся и *становление/исчезновение*, и *действие/деятельность*, и *обладание*, и *удобный момент*, и *отрезок времени*, и *эпоха*, и *логические отношения* (чаще всего *причина*) и т.д. При всем уважении к глубочайшему ученому не оставляет ощущение произвольности этого перечня. В списке совершенно очевидно имеют место ситуации, когда собственно ВРЕМЯ в них отсутствует или имеет очень слабую (второстепенную и третьестепенную) позицию. Например: *После этого я не хочу иметь с ним никаких дел*. В этом примере В.Г. Гак совершенно справедливо усматривает предшествующую причинность, но утверждение, что в основе этих логических отношений лежат временные отношения [2: 129], не кажется бесспорным. «*После этого*» в данном случае явно менее всего время, но событие, поступок, может быть, высказывание, т.е. ДЕЙСТВИЕ, которое послужило ПРИЧИНОЙ сложившейся ситуации, которая, в свою очередь, есть СЛЕДСТВИЕ. В то же время нам представляется исключительно важным подчеркиваемая учеными связь времени с другими явлениями и понятиями; подмечен и общий принцип этого взаимодействия: «от более конкретного, чувственно воспринимаемого к более отвлеченному» [2: 124; 16: 108]. Таким образом, с одной стороны, топ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ВРЕМЕНИ – это не любое выражение времени, покрываемое семантикой концепта или поля времени, а выражение актуального времени в данной ситуации, в данном контексте для данных общающихся. С другой стороны, устанавливается связь не вообще с какими-либо явлениями и понятиями, выбранными произвольно, а с определенными структурно-смысловыми моделями, в первую очередь, с такими как ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ, ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ, ДЕЙСТВИЕ и ПРЕТЕРПЕВАНИЕ (СТРАДАНИЕ). «Время представляет собой общий кадр, в котором имеет место бытие и всякое бытие может переходить во время и время может переходить в различные формы бытия. Нет времени вне человека» [2: 124]. «Бытие и время взаимно определяют друг друга» [15: 392]. Их взаимоотношения в процессе бытования и общения людей регулируются ментально-бытийной структурно-смысловой моделью (топом) ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ВРЕМЕНИ, существующей в языке как «вершинная» категория времени, которая в процессе реализации в реальных коммуникативных отношениях может иметь какие угодно выражения, которые в лингвистической литературе многократно описывались и классифицировались (подробный анализ способов выражения времени в языке и их классификации см.: [1; 2; 8; 9; 16] и др.). Если «нет времени вне человека» (а для обычного, реально живущего человека так и есть), то не время, а именно топ ОБСТОЯТЕЛЬСТ-

ВО времени ежедневно актуализирует – разными способами в разных ситуациях – эту существеннейшую для нас координату бытия.

Еще более естественно, органично и неизбежно мы привязаны к пространству. Во-первых, мы сами, наше тело, занимаем определенное пространство; во-вторых, наше пространство-тело в каждый момент времени находится в определенном пространстве-мире, что столь же важно для ориентации в мире и согласования своих действий и поступков с действиями и поступками других людей, как и согласование во времени; в-третьих существует еще наше «внутреннее» пространство – не столько в смысле наших внутренних органов (хотя если, например, заболит желудок, это в какой-то момент жизни может оказаться исключительно важным для того, с кем это случилось), сколько в смысле духовного мира или душевных состояний. Для реальной человеческой жизни, таким образом, важны не сами по себе пространство и время, а их органичное взаимодействие. В самом деле, если я, например, опаздываю, значит я не могу в определенный момент *времени* явиться в определенное *место*; если моя машина в одно и то же *время* окажется в одном и том же *месте* с другой машиной, неизбежна авария. Значит мы просто вынуждены постоянно координировать свои действия в пространстве и времени.

Н.Д. Арутюнова полагает: «Линейность составляет тот общий параметр, который позволяет сопоставить темпоральные и пространственные отношения. Линия – это пространственная (геометрическая) метафора времени» [1: 6]. Наша речь, как известно, тоже вид действия, разновидность нашей деятельности, и она тоже происходит в пространстве и времени: «Речь, как и время, линейна. <...> Речь всегда остается линейной и необратимо текущей из прошлого в будущее» [Ibid]. С этим трудно не согласиться. Однако распространенная метафора «речевой поток», хотя и включает понятие линейности, линейного движения, предполагает и объем (трудно представить себе поток, не имеющий объема). А Слово может быть сказано как «вовремя» и «к месту», так и «не вовремя» или «не к месту». Само «слово» может быть – в определенном смысле – местом и временем: «к слову сказать», «пришлось к слову».

Удачной попыткой связать воедино пространство/время нашей речевой практики – антропологически глобально, всеобъемлюще – представляет собой «крест реальности» О. Розенштока-Хюсси [7: 55–70]. В момент речи каждый говорящий оказывается как бы в центре пересечения двух координат: одна – вертикальная, пространственная – имеет обозначения «внутри/вовне»; другая – горизонтальная, временная – ориентирована словами «назад/вперед». «Человек, беря слово, занимает свою позицию во времени и пространстве. "Здесь" он говорит в направлении из внутреннего пространства во внешний мир и в направлении из мира, что находится снаружи, в свое собственное сознание. А "Теперь" он говорит в промежутке между началом времен и их концом» [Op. cit.: 56]. В этой работе поражает не только масштаб ответственности человека за произносимое «здесь и те-

перь» Слово, на который указывает О. Розеншток-Хюсси, но и предложенная им дихотомия: *внутреннее пространство* и *внешнее пространство* – с фактически поставленным между ними знаком равенства, равновеликости, равноправия. Подчеркнем: важно – по О. Розенштоку-Хюсси – не столько положение человека говорящего в физическом пространстве, сколько *соотношение* его внутреннего пространства с этим с физическим пространством, которое осуществляется исключительно посредством речи. Это открытие, сделанное, по свидетельству К. Гарднера, ученым еще в 1916 году [3: 7], но опубликованное впервые только в 1969 (на английском языке), к сожалению, оставалось долгое время неизвестным для многих современных исследователей. Совершенно по-новому – в свете этого открытия – понимаются и «места риторические». Рассмотренные как структурно-смысловые модели высказывания, они получают дополнительное обоснование для своего существования во внутреннем – ментальном – мире человека. Древние были очень мудры, дав наименование топам («места»), связанное с пространством. Не их вина, что потомки выхолостили это ИМЯ.

Единство времени и пространства очень наглядно продемонстрировал П.А. Флоренский – не только глубокими философскими рассуждениями, но и просто внимательно присмотревшись... к дереву: «Дерево ветвится в высоту... Но ведь самые ветки появляются *с течением времени*... Мы мало думаем об этом, отчасти потому, что ранее образовавшиеся части ветвей не уничтожаются, и таким образом пространственный трехмерный образ дерева накапливает весь временной процесс и оттесняет его своею полнотою из нашего сознания. Но представим себе растение, отмирающее по мере его роста, например, что-нибудь вроде священной смоковницы. Тогда пространственный образ уже явно не замещает собой четырехмерного образа этой смоковницы, как организма *растущего*» [14: 212].

Если нет Времени, значит прекратилось изменение в пространстве; дерево остается *одинаковым*, не изменяется. Строго говоря, оно не может даже появиться, возникнуть, потому что возникновение – процесс *во времени*. Подобные «махинации» со временем многократно описывались в научно-фантастической художественной литературе, а выражение «время остановилось» вполне приемлемо для определенных моментов и в нашей реальной жизни. Мы его понимаем и употребляем как метафору, очень точно предающую определенное психическое состояние.

Много сложнее представить себе отсутствие пространства. Время есть, а пространства – нет. «Пространственный образ» уже не только «не замещает собой четырехмерного образа», его *нет*. А время есть. Это значит, что нечто возникает и, может быть, даже развивается, но не *формируется*, не *становится*, не приобретает *вещественность*. П.А. Флоренский от образа дерева переходит к описанию и функционированию человеческого рода, к смене поколений. Но если продолжить его идею о дереве в намеченном им плане, то, вероятно, существование времени *без пространства*

можно представить себе в виде энергий: растения-энергии, животные-энергии, люди-энергии....

Существуя в пространстве и времени, обладая сознанием, содержание которого – переживание чувственных и умственных образов, человек не может не *желать*, а значит – не может не ставить перед собой целей.

«ЦЕЛЬ – представляемое и желаемое будущее событие или состояние, осуществление которых является промежуточным причинным членом на пути к цели, которая есть антиципированное представление результата наших действий (В. Вунд). <...> Возможность достижения некоторой цели может предполагаться только постольку, поскольку имеется возможность целеполагающего вмешательства человека в причинно обусловленные явления природы. <...>» [13: 506]. Таким образом, если время, будучи актуальным в настоящий момент, обращено в прошлое и будущее, если пространство обеспечивает нашу собственную телесность и телесность всего бытия вокруг, то ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ЦЕЛИ – антропологический параметр, связанный с желательным для человека будущим. Цели могут быть разные, вплоть до противоположных, значит легко переходят в высказывании в структурно-смысловую модель ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ; частично совпадающие, они могут быть тесно связаны с СОПОСТАВЛЕНИЕМ или СРАВНЕНИЕМ. Цель появляется, как правило, в связи с какой-либо ПРИЧИНОЙ. Вывести на желание осуществления какой-либо цели может чей-то ПРИМЕР. Цели могут быть ОБЩИМИ и КОНКРЕТНЫМИ. Реализация цели требует, как правило, ДЕЙСТВИЙ. И конечно же ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ЦЕЛИ всегда привязано к ВРЕМЕНИ и ПРОСТРАНСТВУ (*в семнадцать лет хочу с отличием закончить школу; в двадцать пять – иметь хорошую работу и крепкую семью* и т.д.) Если «нет времени вне человека», то еще более закономерно, что нет *цели* вне человека.

Для достижения жизненных целей практически всегда актуальна речевая деятельность (подробно анализируемая в рамках прагмалингвистики и психолингвистики), которая предполагает «целеполагающее вмешательство человека» как в бытие природы, так и в бытие других людей. Рассмотренный выше «крест реальности» не включает в себя целеполагание, тогда как именно *цели, намерения, желания, стремления, поставленные задачи, интенции, воля* регламентируют бытие как человеческого общества, так и природы, подвергаемой активному влиянию человека. Конечно же, каждый из этих концептов имеет собственное семантическое поле, отличающееся степенью активности, определенностью реализации и др. (т.е. они не синонимичны). Более того, в практической жизни человек порой ставит и добивается *цели* вопреки *желанию*. И тогда вступает в силу топ ПРОТИВОРЕЧИЕ. Но в качестве «вершинной» языковой категории и – функционально – в качестве структурно-смысловой модели все эти смыслы покрываются топом ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ЦЕЛИ.

Безусловно целенаправлена и речь человека, его общение с себе подобными. Другими словами, высказывание всегда реализует какие-либо

цели его произносящего. Поэтому в системе структурно-смысловых моделей (топов) мы рассматриваем ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ЦЕЛИ как одно из ведущих, наряду с ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ МЕСТА и ВРЕМЕНИ.

Как и другие топы, в свое время целеполагание периодически в истории выступало на первый план и становилось ведущей научной парадигмой не только в лингвистике (особенно в прагмалингвистике в виде интенций), но и в философии, социологии, психологии и даже естествознании, хотя И. Кант называет понятие цели «чужаком в естествознании» [13: 506].

Целеполагание неизбежно проникает и в искусство: как минимум – в виде художественной задачи автора. А в знаменитой системе К.С. Станиславского становится определяющим постулатом: сверхзадачу работы актера над ролью он определяет как «цель творческого стремления» [12: 343], уточняя и усиливая конкретные задачи актера даже тавтологией: «хочу стремиться к Софье», «хочу стремиться к отечеству», «хочу стремиться к свободе» [Ibid]. Более подробно об определяющей роли глагола «хотеть» в системе К.С. Станиславского см.: [10: 116–118].

Поскольку ЦЕЛЬ сугубо антропологична, она напрямую связана с этикой – в отличие от других структурно-смысловых моделей. Характер целевой деятельности человека обуславливает ее этическую ценность. По результатам этой деятельности с точки зрения блага для других людей и бытия природы в целом определяется степень ценности самой личности.

В то же время через ЦЕЛЬ определяется и само понятие структуры, входящее в состав термина *структурно-смысловая модель*. У И. Канта, несмотря на отрицательное отношение к целеполаганию в естествознании, структура – «положение и связь частей какого-либо организма, образованного с определенной целью». Сегодня в философии под структурой понимают «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность» [13: 438].

Целостность тоже связана с целью: ЦЕЛОЕ – это то, что есть результат достижения цели, нечто, обусловленное целью, заверщенное потому, что достигнута цель, выполнено (реализовано) ОБСТОЯТЕЛЬСТВО цели. По сути дела, *целостность* объекта можно определить, только связав с целью. Иначе целостность уходит в «дурную бесконечность» и теряет свой смысл. Целостность всегда относительна – относительно того, какую антропологическую цель мы имеем в виду в данное время и в данном месте. Корни этого отношения в *энтелехии* (от греч. *entelecheia* – ‘завершение, осуществленность’) Аристотеля. Это понятие функционирует во всех исторически сформировавшихся телеологических системах (начиная с Фомы Аквинского), рассматривающих с точки зрения цели не только действия человека, но и бытие вещей, полагающих, что цель заключена в самих вещах и связана с их смыслом. Эту идею последовательно развивают феноменология (подробный анализ см.: [4: 8–27]).

В ряде языков само понятие смысла (а «в языке нет ничего кроме смысла») восходит к понятию цели, желания: немецкое «Sinn» (смысл)

происходит от древнемецкого *sinnan*, переводимого как «быть на пути к цели»; английское слово «*meaning*», которым переводится «*Sinn*», по некоторым источникам, восходит к англосакским корням с семантикой «желать», «намереваться» [Op. cit.: 8]. Д.А. Леонтьев подчеркивает, что «при всем разнообразии трактовок ... смысл всегда указывает на замысел, задачу, интенцию автора высказывания, на неязыковой контекст, ситуацию употребления знака» [Op. cit.: 12]. Предлагая всесторонний теоретический анализ смысловой реальности с позиций психологии, ученый, на основании анализа понятия *смысл* в гуманитарных науках, постулирует следующее: «Смысл (будь то смысл текстов, фрагментов мира, образов сознания, душевных явлений или действий) определяется, во-первых, через более широкий контекст, и, во-вторых, через интенцию или энтелехию (целевую направленность, предназначение или направление движения)» [Op. cit.: 26]. Если присмотреться к «более широкому контексту», то окажется, что *его* определяющими параметрами будут прежде всего ОБСТОЯТЕЛЬСТВА места и времени.

Таким образом, определяющими для смысла в целом, смысла вообще, смысла как «наше все» в языке оказываются ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА, ВРЕМЕНИ и ЦЕЛИ, рассматриваемые как «вершинные» языковые категории и используемые нами каждодневно в речевой практике как структурно-смысловые модели (топы). Такое понимание смысла, как нам представляется, снимает «затруднение», на которое указывает Д.А. Леонтьев, разграничивая понятия смысла как «достояние науки», с одной стороны, и как «элемент быденного языка и быденного сознания», с другой [4: 27]. А.Ф. Лосев поступает совсем наоборот, находя самое научное, казалось бы, понятие *диалектика* одновременно и самым житейским, бытовым и жизненным: «Жизнь сама порождает из себя науку и диалектику. Нет жизни, нет верного восприятия жизни, – не будет ничего хорошего и от диалектики, и никакая диалектика не спасет вас, если живые глаза ваши – до диалектики – не увидят подлинной и обязывающей вас действительности» [5: 91].

Представляется несправедливым, что ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ЦЕЛИ часто уходит из поля внимания некоторых ученых-риторов, признающих и использующих топику в целом. Например, А.К. Михальская, выделяя топ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО (места, времени, условия) [6: 152–153], ничего не говорит об ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕ ЦЕЛИ, тогда как любое высказывание, любая речь – эксплицитно или (чаще) имплицитно – начинается с определения цели высказывания (проще говоря, я всегда знаю, *зачем* я высказываюсь). Зато вызывает большие сомнения необходимость выделять в качестве самостоятельной структурно-смысловой модели *Обстоятельство условия*. Нам представляется, что это обстоятельство носит локальный характер и не обеспечивает собственного смыслового поля в качестве «вершинной» языковой категории. Несмотря на то, что «УСЛОВИЕ – то, от чего зависит нечто другое (обусловленное), что делает возможным наличие вещи, состоя-

ния, процесса, в отличие от *причины*, которая с необходимостью, неизбежностью порождает что-либо (действие, результат действия)» [13: 469], это различие вряд ли существенно в процессе повседневного естественного общения и деятельности. Для говорящих условие как условие всегда предполагается в будущем, актуально только до тех пор, пока не осуществилось, пока сохраняется возможность выбора. Осуществленное, оно становится реализованным топом ПРИЧИНА с соответствующим СЛЕДСТВИЕМ. Значит, условие может рассматриваться как имплицитная, мыслимая, ментальная ПРИЧИНА. Ср.: *если он придет...* (условие); *он пришел, поэтому...* (ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ), *он не пришел, поэтому...* (ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ). Пока же сохраняется возможность выбора – в процессе высказывания – мы имеем дело чаще всего с явным или скрытым ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕМ: *Если он придет, то..., а если не придет, то...* И если все-таки возникает высказывание типа «*если он пришел, то...*», мы определенно устанавливаем *причину*, а не условие события. В связи со сказанным признаем ошибочным сделанное нами в [11: 4, 99] указание на *неограниченный* список разновидностей топа ОБСТОЯТЕЛЬСТВО.

Есть сомнения и относительно ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, отвечающих на вопросы *как?* и *каким образом?* [6: 152]. Во-первых, они не имеют никакого отношения к указанным здесь же А.К. Михальской обстоятельствам (место, время, условие). Во-вторых, существует топ СВОЙСТВА (КАЧЕСТВА), отмеченный и убедительно описанный автором с точки зрения употребления в речи [Ор. cit.: 142–144]; он может рассматриваться не только в статике (что *каково?* или *какое?*), но и в динамике (что происходит *как?* и *каким образом?*). Тем более это было бы правомерно, так как к этому же топу (СВОЙСТВА) А.К. Михальская относит и ФУНКЦИИ [6: 142].

Таким образом, топ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА необходимо и достаточно определяется ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ МЕСТА, ВРЕМЕНИ и ЦЕЛИ, обеспечивая адекватную связь высказывания с реальностью и его (высказывания) функционирование в этой реальности. В таком триединстве топ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА представляет собой одну из «вершинных» языковых категорий, покрывающей существеннейшее смысловое поле языка, подтверждая справедливость не только афоризма М. Хайдеггера «язык – дом бытия», но и его уточнение Ю.С. Степановым: «Язык – дом бытия духа».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
2. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С.123–130.
3. Гарднер К. Предисловие к первому, американскому, изданию (1969) // Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. – М.: Лабиринт, 1994. – С.5–10.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 3-е изд., доп. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.
5. Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Академический проект, 2009. – 300 с.

6. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
7. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. – М.: Лабиринт, 1994. – 212 с.
8. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С.78–95.
9. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: Akademia, 2005. – 640 с.
10. Садикова В.А. Специфика композиции и языка драматического произведения (на материале трагедии А.С. Пушкина «Скупой рыцарь»): дис... канд. филол. наук. – М.: РУДН, 1993. – 169 с.
11. Садикова В.А. Топика: история, теория, практика : монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 188 с.
12. Станиславский К.С. Об искусстве театра. Избранное. – М.: ВТО, 1982. – 510 с.
13. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 576 с.
14. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М.: Прогресс, 1993. – 324 с.
15. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
16. Чугунова С.А. «Движение времени» у представителей разных культур : монография. – Брянск: Брянск. гос. ун-т, 2009. – 240 с.

УДК 811.112.2'36

Л.В. Самуйлова

FUTURUM: ПРАКТИКА ТЕМПОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ (1)

Обсуждаются различные подходы к описанию грамматического статуса немецких форм будущего времени. В поле зрения автора модальная, этимологическая и омонимическая трактовки.

Ключевые слова: темпография, футурум, грамматический статус, временная форма, модальное значение, временное значение.

*Die Zukunft ist als Raum der Möglichkeiten
der Raum unserer Freiheit.*

Karl Jaspers

В лингвистической литературе никогда не прекращались дискуссии по поводу статуса грамматической категории времени. На современном этапе развития лингвистики научная полемика переносится в концептуальную сферу темпологии (Tempologie). Собственно лингвистическое направление изучения способов репрезентации временных отношений представлено нишей темпографии (Tempographie). При этом не теряют своей актуальности ни описание внутриязыковых темпоральных реальностей, ни выход на исследовательскую арену межъязыковых временных конфронтаций и контрастов (см.: [24]).